

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

На тему: Вербализация эмоций в повести Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии»

Исполнитель _____ Розьева Махпура _____

Руководитель _____ кандидат педагогических наук _____

_____ Ротмистрова Ольга Валерьевна _____

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____

« 9 » сентября 2022 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2022

Содержание

Введение	3
Глава I. Вербализация эмоций в русской языковой картине мира: теоретические аспекты исследования.....	7
1.1. Эмоции как предмет лингвистического изучения.....	7
1.2. Подходы к классификации эмоций	14
1.3. Эмоции в языковой картине мира.....	20
Выводы по главе I.....	26
Глава II. Средства вербализации эмоций в произведении Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии».....	29
2.1. Повесть В. Михальского «Баллада о старом оружии» как источник вербализации эмоций.....	29
2.2. Анализ средств вербализации эмоций в произведении В. Михальского «Баллада о старом оружии».....	39
Выводы по главе II.....	51
Заключение.....	55
Список использованной литературы.....	62
Приложение.....	68

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию особенностей вербализации эмоций в повести Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии».

Эмоции, занимая важное место в жизни человека, относятся к числу существенных социокультурных и психологических феноменов и находят отражение в различных языковых средствах. Художественный текст является одним из важнейших источников, концентрирующих в своём содержании эмоциональное пространство человека через языковые средства, соотносящиеся с миром чувств и эмоций, ведь эмоции – это абстрактная категория мира повседневности. Через героев происходит распознавание эмоциональной составляющей человека. Особенно ярко эмоции проявляются в различных обстоятельствах, особенно в сложных. Произведение В. Михальского «Баллада о старом оружии» буквально пронизано эмоциональными ситуациями, что неудивительно: во-первых, действие происходит во время Великой Отечественной войны, во-вторых, в произведении переплетены судьбы героев – представителей разных национальностей, в-третьих, в условиях войны эмоции проявляются с наибольшей силой, что отражается в вербализующих их языковых средствах. Помимо этого, лингвистическое описание эмоциональной сферы относится к феноменам, которые актуализируются современной наукой о языке в контексте антропоцентрической парадигмы.

Актуальность работы, таким образом, обусловлена тем, что, во-первых, эмоции являются социокультурным и психологическим феноменом и важной абстрактной категорией культуры повседневности, значимой в контексте лингвистических исследований, предусматривающих реализацию принципа антропоцентризма; во-вторых, художественные произведения, являясь источниками языковых средств, соотносимых с миром эмоций и чувств человека, являются важными носителями эмотивной лексики; в-

третьих, репрезентация эмоций и чувств автора происходит именно через созданный им текст.

Объект исследования – средства вербализации эмоций в русском языке.

Предмет исследования – средства вербализации эмоций в произведении В. Михальского «Баллада о старом оружии».

Цель исследования – выявить и описать средства вербализации эмоций в произведении В. Михальского «Баллада о старом оружии».

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть эмоции как предмет лингвистического изучения;
- проанализировать подходы к классификации эмоций;
- рассмотреть специфику языковых единиц, вербализующих эмоции, в контексте языковой картины мира;
- дать краткий анализ творчества Вацлава Михальского и обзор сюжета повести «Баллада о старом оружии»;
- провести комплексный анализ языковых средств, формирующих эмоциональную картину мира в повести Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии».

Новизна работы состоит в том, что впервые был осуществлён анализ единиц-вербализаторов эмоций в контексте конкретного художественного произведения.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях языковых единиц, выступающих вербализаторами эмоций в пространстве художественного текста.

Практическая значимость работы заключается в том, что её материалы и полученные выводы могут быть применены в практике преподавания русского языка в различных аспектах, в том числе и русского языка как иностранного.

В работе использовались следующие **методы** исследования: метод элементы компонентного анализа семантики слов, метод комплексного анализа, лингвистический, этнолингвистический, прагматический, семантический анализ, метод статистического анализа, метод наблюдения.

Материал исследования составили:

- 1) работы таких исследователей, как Л.Г. Бабенко, Л.С. Беляева, П.А. Богдасарова, Е.А. Зуева, А.Д. Ириолова, В.Н. Михайловская, В.И. Шаховский и др., которыми были рассмотрены лингвистические особенности эмоций, лексические средства выражения эмоций в русской языковой картине мира;
- 2) труды таких исследователей, как О.А. Левина, И.А. Прудникова и др., в которых рассматриваются особенности репрезентации эмоциональных состояний персонажей художественного произведения;
- 3) повесть Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии».

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во **введении** обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования.

В **первой главе**, посвящённой теоретическим аспектам исследования языковых единиц, вербализующих эмоции в русской языковой картине мира, эмоции были рассмотрены как предмет лингвистического изучения,

проанализированы подходы к классификации эмоций и их специфика в контексте языковой картины мира.

Во **второй главе**, посвящённой особенностям вербализации эмоций в повести В. Михальского «Баллада о старом оружии», приводится краткий анализ творчества писателя, приводятся результаты комплексного анализа языковых средств, формирующих эмоциональную картину мира указанного произведения.

В **заключении** приводятся обобщения теоретического характера и выводы, сделанные в рамках исследования.

Глава I. Вербализация эмоций в русской языковой картине мира: теоретические аспекты исследования

1.1. Эмоции как предмет лингвистического изучения

Эмоции разнообразны по своей природе, содержанию и проявлению. Смена эмоциональных состояний сопровождается изменением всей деятельности человека, что особенно заметно на поведенческом уровне. Отсюда и повышенное внимание ученых различных отраслей науки к невербальному поведению человека в процессе коммуникации как манифестатору эго эмоционального состояния.

В процессе эволюции человека появилась особая форма проявления отражательной функции мозга ~ эмоции (от лат. *emoveo* «возбуждаю», «волную»), которые являются средством оценки внутренних метаболических потребностей живых существ и их удовлетворения. В жизни человека практически нельзя выделить ни одного состояния, которое не переживалось бы субъективно.

Эмоции пронизывают всю жизнь человека - от инстинктивных порывов до высших форм социальной деятельности. В психологии эмоция понимается как психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта [9].

Как определил Рубинштейн, эмоции выражают состояние субъекта и его отношение к объекту [7]. Они позволяют каждому живому существу надежно оценивать свое состояние и воздействие факторов окружающей среды, а также предвидеть это воздействие.

Психологические теории генезиса эмоций весьма разнообразны. Ученые не проявляют единодушия даже по такому вопросу, как определение самого понятия «эмоция».

Обычно она определяется как переживание человеком своего отношения к чему-либо (к настоящей или будущей ситуации, к другим людям, к самому себе) как выражение состояния субъекта и его отношения к объекту; как состояние, которое увеличивает или уменьшает способность самого тела к действию, благоприятствует ей или ограничивает ее, как функция двух факторов: мотивации, или потребности, с одной стороны, и разности между информацией, необходимой для удовлетворения данной потребности, и информацией, доступной субъекту - с другой (речь идет об информации прагматической, по сути дела о средствах удовлетворения потребности) и т.д.

Помимо этого узкого значения термин «эмоция» используется и в широком смысле, когда имеется в виду целостная эмоциональная реакция личности, включающая не только психический компонент - переживание, но и специфические физиологические изменения в организме, сопутствующие этому переживанию. В этом случае можно говорить об эмоциональном состоянии человека.

Хотя большинство эмоций являются полярными: удовольствие - неудовольствие, веселье — грусть, радость — печаль и т.п., в сложных человеческих чувствах они нередко образуют противоречивое единство. Существуют смешанные эмоции, когда в одном и том же переживании сочетаются и положительные, и отрицательные оттенки (например, можно получать удовольствие от страха в «комнате ужасов»; в ревности страстная любовь уживается со жгучей ненавистью и т.п.),

Одна и та же причина может вызывать разные эмоции. Это зависит от индивидуальных вкусов, интересов, нравственных установок и опыта, а

также от темперамента людей и, наконец, от ситуации, в которой они оказываются. Например, опасность у одних вызывает страх, а у других - радостное, приподнятое настроение (уместно упомянуть модное ныне увлечение «экстримом»).

Наличие напряжения, возбуждения или противоположных им состояний вносит в эмоции существенную дифференциацию. Эмоции традиционно делят на стенические, повышающие жизнедеятельность организма, и астенические - ослабляющие ее. Сильная эмоция может в результате «шока» дезорганизовать деятельность человека и оставить его на некоторое время в таком подавленном состоянии, в котором он не может сделать что-либо, требующее какого-то напряжения и сосредоточения. И вместе с тем иногда необычное чувство, охватившее человека, может вызвать такой подъем всех его сил и сделать его способным на такие достижения, до которых он никогда бы не поднялся без этого чувства. Радость, порожденная каким-нибудь значительным для личности переживанием, может вызвать прилив сил, при котором любая работа будет делаться легко.

Принимая деление эмоций на два класса: стенические (возбуждающие) и астенические (угнетающие), некоторые ученые связывают первые с положительными эмоциями, а угнетающие - с отрицательными. Однако подобное прямое противопоставление положительного и отрицательного зачастую оказывается чисто внешним. Одно и то же чувство в зависимости от его силы и от конкретных условий реализации может быть и «стеническим», и «астеническим». Эмоции, как положительные, так и отрицательные, могут в зависимости от ситуации, индивидуальных особенностей восприятия и культурной специфики иметь как астеническую, так и стеническую направленность.

Существуют и другие основания для классификации эмоций: по их интенсивности, длительности, по степени осознанности причины их

появления и т.д. Известно, например, что интенсивность эмоции напрямую связана с уровнем активации организма.

Обычно эмоция возникает из-за неожиданности события, к которому мы не успели подготовиться, не могли собрать всю информацию, необходимую для адекватной реакции.

Если мы встречаем данную ситуацию с достаточным запасом нужных сведений, то эмоция не возникает. Так или иначе, ведущую роль в субъективной дифференциации эмоций играет оценка ситуации. При этом нужно иметь в виду не просто анализ внешних условий, а, скорее, оценивание индивидом возможностей удовлетворения своих потребностей, которые зависят как от внешних, так и от внутренних условий.

Различные эмоциональные состояния являются прямым следствием оценки перспективы в плане удовлетворения потребности. Если удовлетворение маловероятно, возникает отрицательная эмоция; в противоположном случае, когда перспективы удовлетворения потребности благоприятны, преобладает позитивный эмоциональный фон. Именно такое определение эмоций доминирует в когнитивно-ориентированных теориях.

Рассматривая теории, интерпретирующие эмоцию как результат когнитивной оценки ситуации, необходимо отметить те из них, которые предлагают различать два основных компонента эмоций: физиологический и когнитивный. Особый интерес для нас представляют теории, доказывающие что нейрофизиологический компонент возбуждения специфичен по отношению к качеству переживаемой эмоции. Качество эмоции зависит от физиологического возбуждения, а точнее - от оценки человеком собственного физиологического состояния, хотя способность субъекта к распознаванию и дифференцированию паттернов физиологического состояния весьма несовершенна. Такая точка зрения подкрепляется данными

о специфичности паттернов физиологического возбуждения для разных эмоций.

Показано, что эмоции связаны с познавательными процессами, причем когнитивные процессы (когнитивная оценка ситуации) влияют на эмоциональные переживания, но и эмоции, в свою очередь, оказывают влияние на познавательные процессы. Например, известно, что лучше запоминается та информация, которая соответствует настроению.

В последние двадцать лет эмоции стали объектом пристального изучения в лингвистике. В центре внимания оказалось эмотивное значение, которое активно изучается новой отраслью языкознания - эмотиологией.

Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности. Эмотивность, в свою очередь, понимается как имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции [8].

В эмотиологии принято различие языковых единиц, объективирующих эмоции, посредством их 1) обозначения или названия; 2) различных видов дескрипции; 3) выражения в речи.

Языковые обозначения эмоций используются в речи при их осознанном употреблении или описании, то есть при намеренном словесном выражении говорящим своего эмоционального состояния. При этом данные языковые обозначения эмоций варьируются в четырех лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях. Описанию данных лексико-грамматических классов посвящены работы Н.Д. Арутюновой [1988], Л.Г. Бабенко [1987], А.А. Зализняк [2000].

Под выражением эмоций в эмотиологии понимается их непосредственное речевое проявление, производимое при помощи специфических единиц - эмотивов. Этой проблемой занимались В.И. Шаховский [1987], Ю.Л. Гончарова [2003]. По мнению Шаховского, наименования эмоций не относятся к эмотивной лексике, т. к. представляют собой не непосредственное чувство, а лишь логическую мысль о нем, т. е. являются его понятийным обозначением. А если слово лишь обозначает эмоцию, то оно не эмотивно [8].

В связи с общим интересом современной лингвистики к проблемам когнитивности, эмоции рассматриваются также как специфическая, своеобразная форма когниции, отражения и оценки окружающей человека действительности. Исследованию данных вопросов посвящены работы Е.М. Вольф [1985] и В.Г. Гак [1996]. Е.М. Вольф дает тщательный анализ оценочных номинаций и структур высказывания, в которых присутствует оценка. В.Г. Гак, продолжая и развивая исследования Е.М. Вольф, исследует роль эмоций и оценок в структуре высказывания и текста.

Когнитивный подход в лингвистическом рассмотрении эмоций реализует такое направление в науке, как лингвопсихология, или лингвистическая психология, исследующая предмет психологии, в частности эмоции, лингвистическими методами, через призму быденного языка [4]. Разработке когнитивных сценариев и описанию эмоциональных концептов посвящены работы А. Вежбицкой [1999], Т.В. Булыгиной [2000], С.Г. Воркачева [2003], Н.Д. Арутюновой [1988] и других.

Свойства эмоций как реальное проявление психической реакции лингвисты обнаруживают прежде всего в художественных текстах. В текстах-скриптах аналитического типа могут быть заложены сценарии, опираясь на которые, возможно выявить содержание подобных концептов. Примером текста-скрипта может служить описание гнева в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», где гнев представлен в виде сценарной

структуры. Заметим, что к художественным текстам, содержащим описание эмоциональных состояний, нередко апеллируют в своих работах психологи. К. Леонгард по этому поводу пишет: Многие писатели, как известно, являются превосходными психологами. Будучи весьма наблюдательными, они обладают способностью проникновения во внутренний мир человека. К тому же их литературный дар помогает облечь увиденное и воспринятое в прекрасную языковую форму [12, с. 245].

Наблюдения над семантикой и функционированием лексики эмоций в русском языке позволяет сделать вывод о том, что в языковой картине мира психическая жизнь человека представлена как сложная система взаимодействующих и взаимообусловленных психических реакций. Данные языка не противоречат современным специальным знаниям об изучаемом предмете, но в то же время языковые (лексические) знаки образуют самостоятельную систему. В связи со сказанным представляется актуальным обращение к сравнительному анализу вербальной системы эмоций конкретного языка и невербальной знаковой системы, характерной для проявления эмоций в данной культуре. Это было бы значимо для понимания и описания языкового материала в лингвокультурологическом аспекте, а также для практики лексикографирования эмоций.

Таким образом, исследование эмоций является одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики. Эмоции, занимая важное место в жизни человека, относятся к числу существенных социокультурных и психологических феноменов и находят отражение в различных языковых средствах. Художественный текст является одним из важнейших источников, концентрирующих в своём содержании эмоциональное пространство человека через языковые средства, соотносящиеся с миром чувств и эмоций, ведь эмоции – это абстрактная категория мира повседневности. Через героев происходит распознавание эмоциональной составляющей человека. Яркие эмоции проявляются в различных обстоятельствах, особенно в сложных.

Лингвистическое описание эмоциональной сферы относится к феноменам, которые актуализируются современной наукой о языке в контексте антропоцентрической парадигмы.

1.2. Подходы к классификации эмоций

При обсуждении различных проблем, связанных с описанием эмоций, авторы довольно часто перечисляют примеры конкретных эмоций. Было предпринято немало попыток создания универсальной классификации эмоций. Предлагаемые классификации резко отличаются числом привлекаемых эмоций и самим подходом к их различению, так что в настоящее время нет единой общепринятой классификации эмоций.

По мнению Е.И. Ильина [25], сложность классификации эмоций состоит и в том, что с одной стороны, трудно определить, является ли данная эмоция действительно самостоятельным видом или же это обозначение одной и той же эмоции разными словами (синонимами). С другой стороны, не является ли новое словесное обозначение эмоции лишь отражением степени ее выраженности.

Параметры, используемые для разграничения различных эмоций в общем виде можно представить следующим образом:

- по наличию/отсутствию интеллектуальной оценки эмоции делятся на простые и сложные (чувства). Сложные эмоции (любовь, гордость и т.д.) возникают лишь при наличии определенного уровня интеллекта, что отличает их от простых эмоций, предполагающих не оценку, а непосредственное ощущение какого-то положения вещей как плохого или хорошего (злость, страх, удовольствие т.д);

- по «знаку» переживания эмоции делятся на положительные (стенические) и отрицательные (астенические). Однако эмоция, как положительная, так и отрицательная, может в зависимости от ситуации, индивидуальных особенностей восприятия, культурной специфики иметь как стеническую, так и астеническую направленность;
- по направленности на говорящего или на окружающих эмоции делятся на личные (отчаяние, горе, тоска) и неличные (жалость, сострадание, восхищение);
- по влиянию на деятельность человека (активизируют или тормозят активность) эмоции делятся на активные (радость, воодушевление) и пассивные (тоска, отчаяние);
- по степени интенсивности - эмоции высокой степени интенсивности (счастье, несчастье) и низкой степени интенсивности (удовлетворение, досада).

Но независимо от того, какие параметры легли в основу разграничения эмоций, большинство авторов сходятся во мнении, что эмоции следует разделять на «основные» (или базовые, первичные, базисные, фундаментальные) и «второстепенные». К сожалению, до сих пор четких принципов отнесения эмоции к группе основных или второстепенных эмоций также не выработано.

По мнению П. Экмана [61], эмоцию можно считать базовой, если она соотносится с легко идентифицируемым выражением лица. К.Э. Изард [14] полагает, что базовая эмоция напрямую должна соотноситься с какими-то нервными процессами; она влечет за собой отчетливое или специфическое переживание, которое осознается человеком; оказывает организующее и мотивирующее влияние на человека, служит его адаптации; возникла в результате эволюционно-биологических процессов. Есть мнение, что базовая

эмоция - это такая эмоция, которая не может быть сведена к комбинации каких-то других эмоций.

Однако количество эмоций, которые следует считать базовыми, у разных авторов неодинаково. В одном из подходов таких эмоций только две: боль и удовольствие; в другом шесть: удивление, гнев, печаль, неудовольствие, страх и презрение [61]; другие авторы предлагают включить в этот список от восьми до восемнадцати эмоций, и среди них такие, как стыд, вина, заносчивость и индифферентность [42, с. 29]. Так К.Э. Изард [14], основываясь на теории дифференциальных эмоций Томкинса, выделяет 10 фундаментальных человеческих эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина.

Н.А. Багдасарова, исследуя лексическое выражение эмоций в контексте разных культур, предложила следующую краткую характеристику данной группы фундаментальных эмоций:

- 1) интерес/волнение - положительная эмоция, которая мотивирует обучение, способствует творческой деятельности, положительно влияет на внимание и любознательность по отношению к объекту интереса;
- 2) радость - максимально желаемая эмоция. Она является скорее побочным продуктом действий и условий, чем результатом стремления испытать ее. Состояние радости связано с чувством уверенности и собственной значимости;
- 3) удивление возникает под влиянием внезапного события, способствует освобождению от предыдущей эмоции и резко усиливает когнитивные процессы, связанные с тем объектом, который вызвал удивление;
- 4) горе/страдание - эмоция, переживая которую человек падает духом, чувствует одиночество, недостаток контактов с людьми, жалость к себе;

- 5) отвращение вызывает стремление избавиться от чего-либо или кого-либо, вызывается физической или психической изнашиваемостью объекта;
- 6) презрение может служить средством подготовки к встрече с опасным противником; связано с чувством собственного превосходства. «Холодная» эмоция, ведущая к деперсонализации индивида или группы, к которым эта эмоция относится. Гнев, презрение и отвращение часто идут рука об руку и поэтому их называют враждебной триадой;
- 7) страх вызывается информацией о реальной или воображаемой опасности; часто связан с неуверенностью в себе;
- 8) стыд вызывает желание спрятаться, исчезнуть; может быть связан с чувством бездарности;
- 9) вина связана со стыдом, однако стыд может появиться из-за любых ошибок, а чувство вины возникает при нарушениях морального, этического или религиозного характера в ситуациях, в которых субъект чувствует свою личную ответственность за происходящее [2].

Существует также мнение, что еще одной базовой эмоцией, а возможно и единственной, является вожеление [9; 26].

Человеческие эмоции выражают в форме переживания реальные взаимоотношения человека с окружающим его миром, и, прежде всего, с другими людьми. В повседневной жизни мы по выразительным движениям, по тончайшим изменениям в выражении лица и в поведении чувствуем иногда мельчайшие сдвиги в эмоциональном состоянии, в настроении окружающих нас людей. Психологические исследования показали, что большую часть информации в процессе общения человек получает через

невербальные средства коммуникации. «Внеязыковые коды являются преимущественно способами передачи смыслов, в то время как лексические и синтаксические коды языка являются преимущественно средствами передачи значений» [32].

Невербальное поведение - это компонент эмоций, внешняя форма их существования и проявления. «Выразительное движение (или действие) не только выражает сформированное переживание, но и само, включаясь, формирует его, так же как, формулируя свою мысль, мы тем самым формируем ее, мы формируем наше чувство, выражая его» [17]. Таким образом, невербальные средства раскрывают внутреннее содержание человека во внешнем действии.

Эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний процесс и результаты собственной деятельности и взаимоотношений с окружающим миром. Оценка человеком окружающего мира основывается на системе ценностей, принятой данным обществом.

В языковой картине мира психическая жизнь человека представлена как сложная система взаимодействующих и взаимообусловленных психических реакций. Данные языка не противоречат современным специальным знаниям об изучаемом предмете, но в то же время языковые (лексические) знаки образуют самостоятельную систему. В связи со сказанным представляется актуальным обращение к сравнительному анализу вербальной системы эмоций конкретного языка и невербальной знаковой системы, характерной для проявления эмоций в данной культуре.

Языковые обозначения эмоций используются в речи при их осознанном употреблении или описании, то есть при намеренном словесном выражении говорящим своего эмоционального состояния. При этом данные языковые

обозначения эмоций варьируются в четырех лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях.

Таким образом, параметры, используемые для разграничения различных эмоций, в общем виде можно представить следующим образом:

- по наличию/отсутствию интеллектуальной оценки эмоции делятся на простые и сложные (чувства). Сложные эмоции (любовь, гордость и т.д.) возникают лишь при наличии определенного уровня интеллекта, что отличает их от простых эмоций, предполагающих не оценку, а непосредственное ощущение какого-то положения вещей как плохого или хорошего (злость, страх, удовольствие т.д);
- по «знаку» переживания эмоции делятся на положительные (стенические) и отрицательные (астенические). Однако эмоция, как положительная, так и отрицательная, может в зависимости от ситуации, индивидуальных особенностей восприятия, культурной специфики иметь как стеническую, так и астеническую направленность;
- по направленности на говорящего или на окружающих эмоции делятся на личные (отчаяние, горе, тоска) и неличные (жалость, сострадание, восхищение);
- по влиянию на деятельность человека (активизируют или тормозят активность) эмоции делятся на активные (радость, воодушевление) и пассивные (тоска, отчаяние);
- по степени интенсивности - эмоции высокой степени интенсивности (счастье, несчастье) и низкой степени интенсивности (удовлетворение, досада).

Независимо доминирующих параметров большинство авторов сходятся во мнении, что эмоции следует разделять на «основные» (или базовые,

первичные, базисные, фундаментальные) и «второстепенные». Чётких принципов отнесения эмоции к группе основных или второстепенных эмоций также не выработано. Существующие классификации объединяет наличие определённых коннотаций: все эмоции можно разделить на зону положительных эмоций, зону отрицательных эмоций и зону амбивалентного характера эмоций.

1.3. Эмоции в языковой картине мира

Слова эмоция и чувство различаются длительностью функционирования в русском языке. Слово чувство в древнерусском языке известно с X века, оно заимствовано из старославянского, образовано с помощью суффикса -ств- от чоувъ «способность чувствовать» > «тот, кто обладает этим», восходящего к чуоти «чувствовать, слышать, ощущать, познавать» + суффикс -в- [56], ср. русское чують.

Чувство и его однокорневые слова с древнейших времен выполняли функцию выражения различных психических процессов. Неудивительно, что в современном русском языке чувство – многозначное слово. Данный факт объясняет, почему в русском языке чувство употребляется при описании различных проявлений психической жизни: чувство голода, сонливости, стыда, гордости, благородства, ненависти, любви, солидарности, прекрасного, зависти и т. д. Семантическая структура слова чувство в лингвистических словарях описывается неоднозначно: фиксируется от пяти (Ожегов/Шведова 1997), шести (Ушаков 1940) до семи значений (МАС 1999).

Слово эмоция, согласно материалам «Историко-этимологического словаря русского языка», восходит к латинскому языку – *emoveo* «потрясаю, волную»; русским языком заимствовано посредством французского и функционирует с конца XIX века [58]. Современные толковые словари

толкуют его как «душевное переживание, чувство» [69]. Данный факт невозможно однозначно квалифицировать как неразличение эмоций и чувств, так как толкование не есть семантика слова, а способ соотнесения значения слова с другим, близким или соотносимым по значению словом или понятием. Истории слова эмоция в европейских языках посвящена работа Н. А. Дмитриевой [16].

Слова эмоция и эмоциональный обычно используется для специальных целей в широком и узком значениях как для разнообразных психических состояний и процессов, так и для собственно эмоций как психических реакций. Слова чувство и чувствовать многозначны и многофункциональны, длительное время они употреблялись в разных стилях русской речи для выражения различных психических реакций, в том числе и эмоциональных.

Логично думать, что слово чувство как наиболее раннее по происхождению и потому функционально универсальное замещает слово эмоция, более позднее по происхождению и «неродное» по форме.

Трудности, которые испытывают лингвисты при классификации названий эмоций, отражены в результатах лингвистических классификаций.

М. А. Крючкова выделяет 9 лексико-семантических групп, С. Н. Цейтлин – 12, И. И. Валуйцева – 22, Л. Н. Сахарчук – 29 (см. подробнее: Камалова 1994).

О трудностях лексикографического толкования эмоций пишет Ю. Д. Апресян (1993), предлагая строить толкование слов, обозначающих эмоции, на базе сценария их возникновения и развития, основа которого – «наивная картина мира». Структуру толкования составляют следующие параметры:

- 1) восприятие или умственное представление некоторого положения вещей;
- 2) оценка данного положения вещей;

- 3) собственно эмоция как результат этой оценки – положительная или отрицательная;
- 4) проявление эмоции в неподконтрольных субъекту физиологических реакциях (бледность, дрожь), 5) желаниях (спрятаться, сжаться), 6) моторной активности (вскочить), 7) речевой деятельности (кричать).

Ч. Филлмор предлагает при описании и классификации эмоций обращаться к сценическому описанию эмоциональных реакций: Некоторые эмоциональные слова, думается, могут быть охвачены единичными сценами в том смысле, что называемые ими социальные состояния относительно просты и обладают свойствами, которые могут проявляться в некоторый данный момент времени. В качестве таких, связанных с единичными сценами эмоций, можно назвать excitement ‘возбуждение’, anger ‘гнев’, peacefulness ‘спокойствие’, joy ‘радость’ [61]. Бабенко [2], классифицируя данную лексику, учитывает следующие характеристики: эмоциональное состояние, становление эмоционального состояния, эмоциональное воздействие, внешнее выражение эмоций, эмоциональная характеристика, эмоциональное качество. Представляется, однако, что рекомендации нуждаются в коррекции из-за многозначности лексики и необходимости разграничения лексико-семантических вариантов. В этом случае в качестве критерия манифестации принимается закономерность сочетаемости. Сравним, например, слово бояться в значении ‘испытывать страх’ в синтагматическом ряду [субъект одушевл. – состояние – объект в родит. падеже] (бояться волков, бояться темноты и под.) и тот же глагол в значении ‘опасаться, беспокоиться, тревожиться’ с сочетаемостной моделью [субъект одушевл. – состояние – винит. объекта с предлогом за или инфинитив] (бояться за брата, бояться наскучить).

Вопрос о том, где «живут» эмоции, не праздный. В. А. Плуныян отмечает, что языки современного европейского культурного ареала

обнаруживают безусловное единство в том, что касается центральной роли сердца как средоточия эмоций; вместе с тем в отношении других органов наблюдаются некоторые расхождения... печень успешно конкурировала с сердцем, служа вместилищем воинской доблести, ярости, сильных страстей и под. [48].

Понимание сердца как вместилища эмоций и чувств как символа души восходит к библейской традиции: в Евангелии оно обнимает собой не только психику человека, но и физиологические проявления и потребности (Мф., 12:40; Лука, 21:34). Библейская традиция получила дальнейшее развитие в древнерусской литературе. В текстах церковнославянской письменности наблюдается тенденция к абстрактному представлению действительности, соотносимой с психической жизнью человека. Выявлены образные описания эмоций, которые становятся клишированными речевыми единицами, например: сьрдьце ми горить (Сказание о Борисе и Глебе), очима бо плачутся со мною, а сьрдьцем смеють ми ся (Моление Даниила Заточника) и т.п. [34].

Тема «сердце» с середины XVIII века активно разрабатывается в святоотеческой литературе. В русской художественной литературе прослеживается библейская образная система в отображении эмоций, а также та, которая сложилась в древнерусской литературе. Метафорическое осмысление сердца мотивирует дальнейшее развитие образа: эмоции и чувства предстают в виде существ, которые мучают, грызут, сжигают сердце. Сердце предстает «вместилищем», где живут страсти, мысли, желания, что позволяет сравнивать его с домом, сосудом и др. Поскольку сердце предстает в образе сосуда, то чувства видятся в образе жидкости, которые способны переполнять сердце, кипеть в сердце и т. п. [34].

Если на уровне языковой системы удастся хоть в какой-то степени очертить значения и ономазиологическое соответствие лексике эмоций, то изучение их воплощения в речи осложняется за счет нестереотипных ситуаций и индивидуальных реакций, а также многообразия одновременно

переживаемых состояний, взаимодействия их с желаниями и волей, их оценки субъектом и обществом.

В стремлении приблизиться к реальности, говорящий не называет эмоции, а описывает наблюдаемые телесные реакции, т.е. визуальные шаблоны поведения, характерные для человека в стереотипных ситуациях.

В разговорной и художественной речи при описании эмоций наблюдается взаимодействие лексики различных семантических групп и полей: вскрикнуть от неожиданности, вздрогнуть от страха, прыгать от радости, плакать/покраснеть от стыда и под. В то же время лексика эмоций в речи способна выполнять неизосемическую функцию, выступать в специфической роли: веселость и веселый в речи может функционировать как выражение эмоции, описание характера и поведения индивида, а также как характеристика глаз, голоса.

Лексика эмоций по своим функциональным свойствам может быть классифицирована по трем разрядам:

- слова, объективирующие психические реакции – «именующие» (удивление, гнев, страх и под.);
- слова, выражающие эмоции – «предизирующие» (удивляться, гневаться, расстраиваться и под);
- слова, косвенно передающие информацию о психологических состояниях, – «обслуживающие», и именно им отводится главная роль в референции.

В функции «обслуживающих» активно используются глагольные метафоры, существенно обогащающие эмоциональную палитру и помогающие представить способ протекания эмоции. С помощью метафор возможно передать «скорость» развития психических реакций (страх напал, гнев вспыхнул, раздражение ширилось); «силу» переживаний (клокотать,

пылать, взорваться – о гневе); «глубину» (захлестнуть, наполниться – о радости).

Указанные семантические параметры свойственны положительным и отрицательным эмоциям, именно они обладают градацией, для нейтральных реакций это менее свойственно: про удивление, квалифицируемое как нейтральная эмоция, нельзя сказать, что оно вспыхнуло, терзало, клокотало.

Приведенные примеры демонстрируют универсальность способов отражения эмоций в языковой системе, которая во многих случаях «не нуждается в подкреплении извне, со стороны других знаковых систем выражения субъективной информации» [34].

Таким образом, в языковой картине мира психическая жизнь человека представлена как сложная система взаимодействующих и взаимообусловленных психических реакций. Данные языка не противоречат современным специальным знаниям об изучаемом предмете, но в то же время языковые (лексические) знаки образуют самостоятельную систему. В связи со сказанным представляется актуальным обращение к сравнительному анализу вербальной системы эмоций конкретного языка и невербальной знаковой системы, характерной для проявления эмоций в данной культуре. Языковые обозначения эмоций используются в речи при их осознанном употреблении или описании, то есть при намеренном словесном выражении говорящим своего эмоционального состояния. При этом данные языковые обозначения эмоций варьируются в четырех лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях.

Выводы по главе I

В первой главе, посвящённой рассмотрению теоретических аспектов лингвистического исследования эмоций, были рассмотрены.

В результате мы пришли к следующим выводам:

1. Эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний процесс и результаты собственной деятельности и взаимоотношений с окружающим миром. Оценка человеком окружающего мира основывается на системе ценностей, принятой данным обществом.
2. В языковой картине мира психическая жизнь человека представлена как сложная система взаимодействующих и взаимообусловленных психических реакций. Данные языка не противоречат современным специальным знаниям об изучаемом предмете, но в то же время языковые (лексические) знаки образуют самостоятельную систему. В связи со сказанным представляется актуальным обращение к сравнительному анализу вербальной системы эмоций конкретного языка и невербальной знаковой системы, характерной для проявления эмоций в данной культуре.
3. Языковые обозначения эмоций используются в речи при их осознанном употреблении или описании, то есть при намеренном словесном выражении говорящим своего эмоционального состояния. При этом данные языковые обозначения эмоций варьируются в четырех лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях.
4. Параметры, используемые для разграничения различных эмоций, в общем виде можно представить следующим образом:
 - по наличию/отсутствию интеллектуальной оценки эмоции делятся на простые и сложные (чувства). Сложные эмоции

(любовь, гордость и т.д.) возникают лишь при наличии определенного уровня интеллекта, что отличает их от простых эмоций, предполагающих не оценку, а непосредственное ощущение какого-то положения вещей как плохого или хорошего (злость, страх, удовольствие т.д);

- по «знаку» переживания эмоции делятся на положительные (стенические) и отрицательные (астенические). Однако эмоция, как положительная, так и отрицательная, может в зависимости от ситуации, индивидуальных особенностей восприятия, культурной специфики иметь как стеническую, так и астеническую направленность;
- по направленности на говорящего или на окружающих эмоции делятся на личные (отчаяние, горе, тоска) и неличные (жалость, сострадание, восхищение);
- по влиянию на деятельность человека (активизируют или тормозят активность) эмоции делятся на активные (радость, воодушевление) и пассивные (тоска, отчаяние);
- по степени интенсивности - эмоции высокой степени интенсивности (счастье, несчастье) и низкой степени интенсивности (удовлетворение, досада).

Независимо доминирующих параметров большинство авторов сходятся во мнении, что эмоции следует разделять на «основные» (или базовые, первичные, базисные, фундаментальные) и «второстепенные». Чётких принципов отнесения эмоции к группе основных или второстепенных эмоций также не выработано. Существующие классификации объединяет наличие определённых коннотаций: все эмоции можно разделить на зону положительных эмоций, зону отрицательных эмоций и зону амбивалентного характера эмоций.

5. Лексика эмоций по своим функциональным свойствам может быть классифицирована по трем разрядам: слова, объективирующие

психические реакции – «именующие» (удивление, гнев, страх и под.); слова, выражающие эмоции – «предсказывающие» (удивляться, гневаться, расстраиваться и под); слова, косвенно передающие информацию о психологических состояниях, – «обслуживающие», и именно им отводится главная роль в референции.

Глава II. Средства вербализации эмоций в произведении Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии»

2.1. Повесть В. Михальского «Баллада о старом оружии» как источник вербализации эмоций

Вацлав Михальский принадлежит к писателям послевоенным. Когда окончилась война, он еще не ходил в школу. Однако военная тема занимает в его творчестве заметное место.

Некоторые считают, что тема Великой Отечественной войны исчерпана, что о ней все сказано, все написано писателями — прямыми ее участниками или, во всяком, случае, свидетелями. Но я думаю, что подобное мнение неверно. Тема Великой Отечественной войны далеко не исчерпана. Она только еще начала разрабатываться по-настоящему, так как она не является достоянием лишь одного поколения. Она — достояние целой эпохи. Писатели послевоенного поколения приняли у своих старших братьев, писателей-фронтовиков, эстафету военной темы.

В свое время рекомендованные мной читателям «Роман-газеты» повести Вацлава Михальского «Печка», «Баллада о старом оружии», а также его роман «17 левых сапог» являются именно такой эстафетой. В творчестве Вацлава Михальского военная тема как бы переживает второе рождение. Она обогащается новыми красками. Рождаются новые сюжеты. Знакомые персонажи приобретают новые черты характера. Даже сугубо современный, остросоциальный роман «Тайные милости» и тот буквально наполнен отголосками войны. Достаточно вспомнить в этой связи отца и мать главного героя романа Георгия Васильева, его начальника Калабухова, замечательного мужа няньки некоего «бабу Мишу», вытацившего на себе из окружения

пушку сорок пятого калибра. То же самое можно сказать о рассказах «Дед Лейбо», «Капитолийская волчица» и даже о повести «Холостая жизнь».

Там, где раньше преобладала фронтовая фактография, свидетельства художника-очевидца и прямого участника событий, теперь по необходимости в силу вступает воображение. А что может быть в искусстве сильнее и плодотворнее воображения?

Отблески минувшей войны озаряют все творчество писателя. Силой своего художественного воображения Вацлав Михальский воссоздает картины войны, участником и свидетелем которой он не был.

Но ведь и Толстой не был ни участником, ни свидетелем-современником Отечественной войны 1812 года. Он написал «Войну и мир» через шестьдесят лет после этой войны. Но силой своего воображения он превратил исторические источники, которыми пользовался, в настолько достоверную картину, что мы уже навечно считаем его художественный вымысел как бы самой историей.

Писательское воображение победило эмпиризм исторических материалов и даже свидетельства современников-очевидцев и прямых участников событий.

В свое время это вызвало целый град нападок на Толстого со стороны военных историков. И тем не менее «Война и мир» на века осталась «Войной и миром», а нападки военных специалистов и историков – забыты.

В советской литературе все чаще и чаще будут появляться произведения послевоенных писателей, которые по-новому осмыслят события Великой Отечественной войны, хотя они и не были ее участниками и даже свидетелями.

К таким произведениям относится и «Баллада о старом оружии» Вацлава Михальского. Она названа автором повестью, хотя воспринимается

многими как маленький роман, весьма искусно сплетенный из целого ряда самостоятельных новелл, рассказывающих как о событиях военных лет, так и о событиях сегодняшних, роман, где прошлое и настоящее находятся в постоянном взаимодействии.

В центр этого маленького романа автор положил историю о старой дагестанской женщине Патимат, темной и неграмотной, которая на второй день войны ушла из родного аула искать своих двух сыновей на фронте, для того чтобы передать им оружие предков и свое материнское благословение. А уходя, заняла место себе на аульском кладбище, между дедом и отцом своих детей, ее мужем. Огородила место камнями и приказала аульчанам, чтобы никто его не занимал. Сказала, что придет домой умирать. Но слова своего не сдержала. Она погибла героической смертью на фронте, так и не отыскав своих сыновей. Таков магистральный сюжет повести Вацлава Михальского. Однако писатель обогатил свой магистральный сюжет еще многими отдельными новеллами, связанными с судьбой героической женщины Патимат, с ее пребыванием на фронтах Великой Отечественной войны. По ходу действия повести мы знакомимся с разными людьми, с их судьбами, с их духовным складом, с их внешним обликом, всегда написанными ярко и объемно, уверенной рукой художника.

Хочется все же обратить внимание на фигуру лейтенанта Зворыкина, маленького военного, бюрократа, чей портрет весьма точно схвачен писателем. Зворыкин требует, чтобы все было по уставу. Что, конечно, хорошо, но бывают же исключения! Все люди, с которыми сталкивается Патимат, любили ее и уважали как собственную мать. Она и сама считала их своими детьми. Исключение составил один лейтенант Зворыкин. Он не то чтобы недолголюбил ее, а никак не мог согласиться, что при воинском подразделении и вдруг — старуха. «Не по уставу она тут была, и это корбило и смущало душу лейтенанта Зворыкина. Его учили в училище

установному порядку, учили блюсти дисциплину во всей строгости, и старуху он воспринимал как подрыв своего авторитета».

Вацлав Михальский делает в дальнейшем глубокий анализ характера лейтенанта Зворыкина, что хотя и несколько выпадает из общей архитектуры всей вещи, но зато дает читателю повод поразмышлять над тем, каким образом и почему в нашем обществе рождаются такие характеры, как Зворыкин. «Баллада о старом оружии» посвящена событиям Великой Отечественной войны, но связана с сегодняшним днем, в ней остро ощущается единство прошлого и настоящего.

Приведём фрагмент эмоциональной картины мира в анализируемом произведении:

«Стоя в переполненном вагоне метро, Кирилл Тимофеевич старался думать про войну, да что-то не думалось: мелькали перед глазами какие-то рытвины, полные грязи, канавы, ветла у въезда в польскую деревушку, название которой он забыл, а точнее, никогда не держал в памяти, – все расплывчатое, не в фокусе, как будто смотрел он в бинокль, налаженный для чужих глаз; казалось, подкрутить бы его чуть-чуть – и будет четкая картина, да что-то не подкручивалось. Вроде бы у той ветлы погиб Зворыкин – в первый год войны до чего противный был парень, а потом пообровнялся, человеком стал, чем-то даже похожим на их отца-командира Крюкова. Жив ли сейчас Крюков? Если жив, то совсем глубокий старик. А с молдаванином Василагой они демобилизовались в один день, еще на их с Нюрой свадьбе гулял Василага, решили даже переписываться, да так и потерялись. Фамилии помнил, а лиц не воскрешала память... Даже лица Патимат не смог вспомнить, сколько ни силился. На какой-то миг проплыли перед взором ее руки – тонкие в запястьях, широкие в ладонях, с толстыми, заскорузлыми пальцами. Да, Патимат была молодец, считай, два раза спасла ему

жизнь: первый, когда укусила его гадюка, второй, когда, уходя в полевой госпиталь к старшине Николаю и Саше, вручила вот это кремневое ружье, кажись, принадлежавшее еще ее деду...».

В данном фрагменте репрезентируются эмоции печали, ностальгии, скорби, которые возникают из-за чувства утраты, невозвратности. Однако очевидна и вербализация положительных эмоций. И те, и другие связаны с воспоминаниями Кирилла Тимофеевича о прошлом. Особенность вербализации эмоций в контексте чередования события, наложения одних ситуаций на другие характерна для художественного текста и для культуры повседневности, которую и призван ретранслировать художественный текст.

Несколько в другой манере, но все с той же психологической глубиной и изобразительной силой написана и другая повесть Вацлава Михальского — «Печка». Если «Балладу о старом оружии» я позволил себе назвать не повестью, а маленьким романом, то с таким же правом «Печку» можно назвать «романом-очерком». Действительно, это не повесть в общепринятом смысле, а скорее очерк, очерк тоскующей детской души, но очерк настолько многоплановый и глубокий, что его также можно причислить к жанру романа.

Хотя и запоздало начав издаваться в Москве (через семнадцать лет после издания первой книги рассказов в Махачкале), Вацлав Михальский сразу обратил внимание читателей и критики свежестью своего незаурядного таланта. У него верный глаз, острый аналитический ум. Он прекрасно владеет словом и знает ему цену. Ведущая сила его творчества — воображение. Он как бы заново проходит путь писателей — своих предшественников, внося много нового в изображение традиционных событий.

Хочется сказать о некоторых особенностях писательской манеры Вацлава Михальского. У него слово не только обозначение предмета, но

также и его душа, психея, то есть слово содержит в себе больше, чем на первый взгляд может показаться.

Так, например, в повести «Печка» есть такое место:

«Даже само слово семья всегда имело для меня, если можно так сказать, тепловое значение. Семейей всегда было для меня нечто, пронизанное общим теплом. Сначала в нашей семье все-таки появился я, а потом печка, но как бы я жил без печки... Мне это так же трудно представить, как нелегко вдруг за-говорить сейчас о себе в третьем лице и свою мать Татьяну Петровну называть Таней».

Каждая вещь, каждый человеческий характер (а их много в прозе Михальского) как бы созданы хотя и на старом, известном уже материале, но созданы заново и наделены новой душой. Хотя насчет известности материала, может, и не совсем верно. Дело в том, что Вацлав Михальский, как я сейчас знаю, напечатал многие из своих работ в Москве с интервалом в десять-пятнадцать лет после их создания.

Показателен в этом смысле остросюжетный, многоплановый роман «17 левых сапог», увидевший свет в Махачкале в 1967 году, не замеченный критикой и впервые явившийся широкому кругу читателей лишь в 1980 году. Та же самая участь постигла и «Катеньку», и «Балладу о старом оружии». Хотя такую ситуацию и не назовешь удачной для автора, но зато теперь ясно, что его произведения обладают большим запасом прочности. А это серьезный признак.

Когда лучшие произведения Вацлава Михальского сошлись под одной обложкой в томе «Избранного», особенно хорошо стали видны такие качества писателя, как понимание жизни простых людей, человечность, высокая степень искренности и редкий дар воображения, позволяющие одухотворять героев, делать их живыми.

Долгая жизнь в сердцах читателей суждена многим героям Вацлава Михальского, и прежде всего таким, как непобежденный Алексей Зыков из романа «17 левых сапог», старая горянка Патимат из «Баллады о старом оружии», изумительная русская девушка Катенька из одноименной повести. Неискушенному проза Вацлава Михальского может показаться традиционной, но опытный глаз видит ее новизну, она как бы еще раз подтверждает золотое правило: что талантливо, то и ново. В том числе и в поисках формы. Интересен в этом смысле и последний по времени написания роман «Тайные милости», как бы составленный из множества правдивых и острых осколков жизни.

Вацлав Михальский пишет в своих романах, повестях, рассказах о людях юга России, а если точнее, о людях, живущих сегодня или живших еще недавно на узкой полоске прикаспийской земли, зажатой между горами и морем. Этот своеобразный уголок нашей великой России отмечен исключительной многонациональностью — здесь проживает свыше тридцати только коренных дагестанских народностей. Хорошее знание обычаев, нравов, устоев столь смешанной среды позволяет Вацлаву Михальскому создавать произведения, проникнутые духом настоящего, живого, а не парадного интернационализма. Писатель нигде не подчеркивает эту тему — она живет в его повестях, романах и рассказах так же естественно, как и в самой изображаемой им жизни. Читая произведения Вацлава Михальского, невольно задумываешься над тем, какое это великое достижение нашей страны — дружба ее больших и малых народов.

В прозе Вацлава Михальского хорошо уравновешены изобразительное и повествовательное, главные элементы художественного произведения, что делает его работы доступными для самого широкого круга читателей. Особенно четко прослеживается это качество в повести «Катенька». Хотя и это, на мой взгляд, не повесть, а тоже как бы маленький роман, щедро насыщенный историческими событиями и людьми, связанными с Первой

мировой войной и началом Октябрьской революции. Несмотря на свою историчность, «Катенька», как и роман «17 левых сапог», как и все остальные повести-романы Вацлава Михальского, крепко привязана к сегодняшнему дню. Герои этого романа дожили до наших дней, претерпев целый ряд психологических изменений. В исследовании этих изменений и заключен смысл всего произведения. Исключение составляет сама Катенька, центральный персонаж всей вещи. Она не дожила до наших дней, но ее душа воплотилась в другой девочке, уже нашего времени, тоже Катеньке.

Вацлав Михальский написал пленительный портрет девушки Катеньки, которая явилась как бы собирательным типом, вобравшим в себя все то лучшее, что есть в чистой, хрустально-прозрачной, самоотверженной душе русской женщины-героини. К слову сказать, женские образы в прозе Михальского всегда достоверны и неповторимы. Но Михальский не был бы Михальским, если бы наряду с положительными героями, наряду с Катенькой не написал героя отрицательного — революционера-фразера, который на поверку оказывается обыкновенным трусливым обывателем. К сожалению, бывают и такие, и честный писатель не может пройти мимо этого явления.

В «Страничке из писательского блокнота», опубликованной в журнале «Вопросы литературы», Вацлав Михальский высказал такую мысль:

«Так уж устроен белый свет, что порой случай замыкает целые круги жизни, меняет судьбы или дает им новое дыхание. Не в меньшей степени это относится и к литературной работе, механизм ее пока не поддается логическому анализу, но все-таки здесь есть некоторые вполне очевидные магистральные линии, одна из них — движение от житейского случая к поэтической мысли, от факта жизни к художественному вымыслу» («Роман-газета», 1980. № 22 (908)).

Творчество Вацлава Михальского, в том числе и его последний на сегодняшний день роман «Тайные милости», в известной степени подтверждает это его высказывание, в чем могут убедиться читатели «Избранного» Вацлава Михальского.

Произведение Вацлава Михальского «Баллада от старом оружии» является кладезью эмоциональной картины мира. Оно буквально пронизано эмоциональными ситуациями:

- во-первых, действие происходит во время Великой Отечественной войны,
- во-вторых, в произведении переплетены судьбы героев – представителей разных национальностей,
- в-третьих, в условиях войны эмоции проявляются с наибольшей силой, что отражается в вербализующих их языковых средствах.

Примеры эмоциональной составляющей произведения:

- Радость, гордость (восклицание, глагол усиления действия, наречия со значением продолжительного времени): «Весть о том, что приехал прославленный сын старой Патимат, всполошила весь аул. Долго в эту ночь не гасли в саклях огни – ещё бы, такой хабар!»
- Тоска, печаль, разочарование (лексика с общим значением «что-то негодное к употреблению»): «Вздыхая, подержал он в руке темную и скользкую веревочку, на которой некогда висел курдюк. На верхнем гвозде нащупал кусочек сушеного мяса, но, пока его снял, оно рассыпалось и превратилось в труху. Старый Магома плюнул от досады и бессилия...».

- Радость, восторг, восхищение. «Он радовался, что не забыл о подарках... С нескрываемым удовольствием рассматривал старый Магома дорогие подарки. Он развесил их на веревке, где раньше хранилась одежда, и ходил вокруг, восхищенно прищелкивая языком. ...А как увидел сатиновую рубашу и ватные штаны, то так им обрадовался, что надел сразу и совсем уж развеселился».
- Злость (фразеологизм): «Мать задала такую лупку, что больше он не пытался повторить свой подвиг».
- Боязнь (вербализация через переносные значения): в этом же фрагменте: «Мать задала такую лупку, что больше он не пытался повторить свой подвиг».
- Растерянность (фразеологизмы): «Посреди комнаты ... стояла девушка. Большими настороженными глазами она отчуждённо и надменно взглянула на Гришу. Он растерялся и онемел. Они стояли посреди комнаты, Гриша не мог заставить себя поднять глаза. Он потерял всякую власть над собой, стоял неловкий и безмолвный, и молчание это, казалось, горой навалилось на него».

Таким образом, повесть Вацлава Михальского «Баллада от старом оружии» является кладезью эмоциональной картины мира. Оно буквально пронизано эмоциональными ситуациями: во-первых, действие происходит во время Великой Отечественной войны, во-вторых, в произведении переплетены судьбы героев – представителей разных национальностей, в-третьих, в условиях войны эмоции проявляются с наибольшей силой, что отражается в вербализующих их языковых средствах.

2.2. Анализ средств вербализации эмоций в произведении

В. Михальского «Баллада о старом оружии»

Произведение Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии» буквально пронизано эмоциями: действие происходит во время Великой Отечественной войны, в условиях войны эмоции проявляются с наибольшей силой, в произведении переплетены судьбы героев – представителей разных национальностей. Всё это повлияло на специфику вербализации эмоций в данном произведении.

Языковые средства, участвующие в репрезентации эмоций в анализируемом произведении, были распределены по трём группам. В первую группу вошли языковые средства, относящиеся к зоне отрицательных эмоций. Во вторую группу вошли языковые средства, относящиеся к зоне положительных эмоций. Третью группу образуют языковые средства, относящиеся к зоне амбивалентного выражения эмоций. Кроме того, были обнаружены такие средства, которые указывают на национально-культурную специфику выражения эмоций.

Рассмотрим подробнее средства выражения эмоций в каждой из перечисленных зон.

Языковые обозначения эмоций варьируются в четырёх лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях. Однако в художественном произведении средства их вербализации расширяются за счёт фразеологизмов, сравнений, приёма контраста, реплик, риторических вопросов и восклицаний и других изобразительных средств языка.

Обратим внимание на следующие фрагменты:

1. «Стоя в переполненном вагоне метро, Кирилл Тимофеевич старался думать про войну, да что-то не думалось: мелькали перед глазами какие-то **рытвины, полные грязи, канавы, ветла** у въезда в польскую деревушку, название которой он забыл, а точнее, никогда не держал в памяти, – все расплывчатое, не в фокусе, как будто смотрел он в бинокль, налаженный для чужих глаз; казалось, подкрутить бы его чуть-чуть – и будет четкая картина, да что-то не подкручивалось. **Вроде бы у той ветлы погиб Зворыкин** – в первый год войны **до чего противный был парень, а потом пообровнялся, человеком стал**, чем-то даже похожим на их отца-командира Крюкова. Жив ли сейчас Крюков? Если жив, то совсем глубокий старик. А с молдаванином Василякой они демобилизовались в один день, еще на их с Нюрой свадьбе гулял Василяка, решили даже переписываться, да так и потерялись. Фамилии помнил, а лиц не воскрешала память... **Даже лица Патимат не смог вспомнить**, сколько ни силился. На какой-то миг проплыли перед взором ее руки – тонкие в запястьях, широкие в ладонях, с толстыми, заскорузлыми пальцами. Да, **Патимат была молодец, считай, два раза спасла ему жизнь**: первый, когда укусила его гадюка, второй, когда, уходя в полевой госпиталь к старшине Николаю и Саше, вручила вот это кремневое ружье, кажись, принадлежавшее еще ее деду...».

2. – Как хорошо, Гриша, что вы пришли, – встретила она его радостно, – вы будете мне помогать. Это все надо вынести в сарай, а кое-что просто выкинуть в сорный ящик. Они с Митей вешают гардины и портьеры, хитренькие, а я тут должна со всем этим мусором управляться. Дарочка говорит, мальчишек попроси, чтобы помогли, а я с ними поссорилась, мы в чижика играли, и они

жилили, терпеть не могу жил! Гриша, вот от сарая ключ, вы несите эти рамы, а я этот хлам в сорный ящик.

3. *«Всегда тихий и застенчивый, на этот раз он решительно догнал Катеньку и перед самым мусорным ящиком выхватил у нее из коробки Дарочкины ботинки. Катенька рассердилась. Выбросив обувь вместе со старой картонкой, она хотела отнять ботинки у Гриши и, неожиданно обхватив его за шею руками, крепко поцеловала».*

В данных фрагментах репрезентируются эмоции печали, ностальгии, скорби, которые возникают из-за чувства утраты, невозвратности. Однако очевидна и вербализация положительных эмоций. И те, и другие связаны с воспоминаниями Кирилла Тимофеевича о прошлом. Особенность вербализации эмоций в контексте чередования события, наложения одних ситуаций на другие характерна для художественного текста и для культуры повседневности, которую и призван ретранслировать художественный текст.

Ещё несколько фрагментов:

1. *«Тридцать лет в Москве, считай, коренной житель. Демобилизовался, расписался с Нюрой в сельсовете, и двинули они в столицу. Никогда прежде не бывал, очень уж хотелось поглядеть, какая она, Москва-матушка? Так и сказал молодой жене: «А что, Нюра, айда в Москву за песнями!» Сказано – сделано, такой он был в молодые годы. Водители в столице всегда требовались, тем более у него фронтовой опыт. Сначала мыкались по общежитиям, потом заимели комнатку, потом комнату побольше, в самом центре, там и детей нажили, потом их старомосковский каменный*

дом забрало учреждение, а они, к своей радости, получили вот эту трехкомнатную квартиру в новом районе. Да, как будто и не было иной жизни, кроме московской, а ведь была... еще какая была жизнь!».

2. «Двенадцати неполных лет **попытался Николай убежать из дому**, и не потому, что было плохо в родных стенах, просто хотелось чего-то эдакого, приключений. Он отъехал на товарняке километров тридцать, на первой же большой станции его сняли и, **замурзанного, злого, голодного, доставили попутной дрезиной в город**: домой привел милиционер. Мать задала такую лупку, что больше он не пытался повторить свой подвиг. Четырнадцати лет пошел учиться в фабзауч, к семнадцати получил профессию прокатчика на металлургическом заводе, восемнадцати завербовался на Север строить химкомбинат, и с тех пор дома его поминай как звали! На стройке освоил Николай шоферское дело, оказавшееся для него родным. За восемь предвоенных лет где только не был, на каких дорогах не крутил баранку – и в Монголии, и в Подмосковье, и на Кавказе, а домой, стыдно сказать, так и не удосужился приехать... И чего каждый год откладывал – сейчас даже непонятно! По матери ведь скучал, бывало, и по сестре, и по родным местам. Да все казалось – и завтра будет не поздно. Теперь вот, может, и свидеться не придется, теперь они под немцем – страшно сказать, может, и нет уже на белом свете ни матери, ни сестры?! И родных забросил, и своей семьи не нажил... Все летал и летал с места на место, чисто перекаати-поле. Если мать жива, если жива Мотя, то непременно говорят между собой: «Где там нашего Кольку носит?» А если их нет... тогда никто и не вспомнит. Не то что жены или любимой, даже просто знакомой

женщины, к которой бы тянулось сейчас сердце, не осталось в прошлой Николаевой жизни. Хоть вроде и привечали его бабы, а вспомнить некого... Сам виноват – все его куда-то несло, несло, сносило в сторону от оседлой жизни. И теперь, в двадцать шесть, он казался самому себе очень пожившим, почти старым человеком, которому не сложить уж семейного счастья... Одна отрада – крути баранку.

Чому ж я нэ сокил,

Чому ж нэ лэтая...».

1. Зона положительных эмоций:

- **Радость (мнимая)** (вербализация через словосочетания с глаголами с семой «скорость, ускорение», в сочетании с наречиями с такой же семой (например: *вприпрыжку*):

«И так захотелось ему обмануть время, помчаться вприпрыжку через аульскую площадь по узким каменистым улочкам к родным воротам! Задать маленькой чёрной корове корм, послушать, как вкусно она чавкает, ощутить, как благодарно лизнёт она ароматным шершавым языком его щёку и руки. Потом помериться силами с братом Султаном, ещё и ещё раз доказать ему, что он, Магомед, сильнее и старше. А потом подняться на крыльцо, отворить дверь в саклю, где, стряпая хинкал, покраснелась мать».

- **Восторг, восхищение, одобрение:** *«Да, Патимат была молодец, считай, два раза спасла ему жизнь: первый, когда укусила его гадюка, второй, когда, уходя в полевой госпиталь к*

старшине Николаю и Саше, вручила вот это кремневое ружье, кажись, принадлежавшее еще ее деду...».

- **Радость, гордость, неожиданность, внезапность.** Эмоции репрезентируются лексемами со значением «внезапность» (ср. «*весть... всполошила весь аул*»), а на положительную коннотацию указывает словосочетание «**прославленный сын старой Патимат**»: «**Весть о том, что приехал прославленный сын старой Патимат, всполошила весь аул. Долго в эту ночь не гасли в саклях огни – ещё бы, такой хабар!**».
- **Радость, восторг.** «*А тот с нетерпением ждал, когда сварятся бобы – любимое кушанье его детства. Он радовался, что не забыл о подарках, мысленно благодарил жену, которая напомнила ему о них. ... С нескрываемым удовольствием рассматривал старый Магома дорогие подарки. Он развесил их на веревке, где раньше хранилась одежда, и ходил вокруг, восхищенно прищелкивая языком. Но надеть отказался: «Что ты, сынок, баловство это. А как увидел сатиновую рубаху и ватные штаны, то так им обрадовался, что надел сразу и совсем уж развеселился».*
- **Уважение:** «*По обычаям гор, гостя не спрашивают, зачем он явился. Старый Магома ждал. Бобы уже сварились, и Магома поставил котелок на низенький столик перед гостем, положил деревянную ложку, сам сел напротив».*
- **Удовольствие:** «*Магомед Абдуллаевич взял матрас и одеяло... и ушел спать на крышу. Небо было ослепительно звездное, он*

даже глаза зажмурил, таким неестественно красивым показалось оно ему».

- **Ожидание, терпение:** «Вернутся, вернутся домой дети. Разве смогут они прожить без родного очага?» – думала Патимат и представляла, как входят в саклю выросшие и раздавленные в плечах сыновья, джигиты, свет её очей».
- **Уверенность, гордость, упорство.** Вербализация через риторические вопросы, восклицания, сопоставление: *«Как это мать не найдет своих сыновей?! – спокойно отвечала Патимат. – Пускай Россия в сорок раз больше Ругельды, все равно я найду своих джигитов!».*
- **Сочувствие, радость:** *«Сидай, бабка, вместе сынов шукать будемо, – весело сказал белобрысый старшина, усаживая старуху в кузов своей полуторки».*
- **Радость** (вербализация через песенный текст): *«Дивлюсь я на нэбо / Та й думку гадаю...»* (фрагмент украинской песни в исполнении старшины-украинца).

2. Зона отрицательных эмоций:

- **Скорбь, печаль** (вербализуются через отрицания, через словосочетания с глаголами с общим значениями *«потерять первоначальный вид вследствие временных изменений»*): *«Нет... Отцвели те цветы и травы альпийские, что бросал он в*

*кормушку маленькой черной корове; в лампе **выгорел** тот керосин, что освещал его первые книжки; в очаге **прогорели** те дрова, что варили им хинкал. **Нет Султана, нет мамы, сакля их, верно, подгнила и обрушилась, остались одни только камни**».*

- **Тоска, печаль, разочарование:** *«Вздыхая, подержал он в руке темную и скользкую веревочку, на которой некогда висел курдюк. На верхнем гвозде нащупал кусочек сушеного мяса, но, пока его снял, оно рассыпалось и превратилось в труху. Старый Магома плюнул от досады и бессилия и с удивлением подумал, что кормить-то дорогого гостя больше нечем».*
- **Гнев** (риторические вопросы и восклицания и конструкции языка военной сферы): *«Старшина! **Кто давал право «королей» возить?** – увидев старуху, **крикнул** пробежавший мимо ...лейтенант Зворыкин. ... **Не разговаривать! Снять немедленно!** – кричал лейтенант, и белёдые его глаза **гневно светлели**».*
- В следующем фрагменте репрезентируются эмоции «**злость**» и «**боязнь**»: *«Он отъехал на товарняке километров тридцать, на первой же большой станции его сняли и, замурзанного, злого, голодного, доставили попутной дрезиной в город: **домой привел милиционер. Мать задала такую лунку, что больше он не пытался повторить свой подвиг**». См. подробнее характеристику средств выражения ниже.*

- **Злость** (средство репрезентации – фразеологизм): *«Мать задала такую лупку, что больше он не пытался повторить свой подвиг».*
- **Боязнь** (вербализация через переносные значения): *«Мать задала такую лупку, что больше он не пытался повторить свой подвиг».*

3. Зона амбивалентного выражения эмоций:

- **Гордость, превосходство** (амбивалентный характер: с одной стороны, это отрицательные чувства, с другой – традиции пожилых горцев; эмоция вербализуется с помощью фразеологизма «не сдвинуться с места» и усиления значения с помощью частицы *даже*): *«Увидев машину, многие мужчины поднялись, желая рассмотреть, что за начальство занесло в аул на ночь глядя. Только старики не сдвинулись с места, даже не повернули голов: чувство собственного достоинства не позволяло им быть любопытными».*
- **Злость.** Амбивалентный характер: злость относится к зоне отрицательных эмоций, однако в контексте эмоциональной картины мира произведения – к зоне неоднозначной оценки эмоций: *«Он и лихачил-то ради него, чтоб добиться хоть слова, пусть даже окрика. Но что он ни выделявал, лицо пассажира оставалось далёким от всего окружающего»* (Главный герой злится из-за того, что не может довести до состояния страха своего пассажира).

- **Обида.** Данная эмоция носит амбивалентный характер: с одной стороны, *обида* – это по данным толковых словарей:

1. Несправедливо причинённое огорчение, оскорбление, а также вызванное этим чувство. Терпеть обиды. Быть в обиде на кого-н. В тесноте, да не в обиде (посл.). Не в обиду будь сказано (пусть не покажется обидным; разг.). Не дать в обиду кого-н. (не дать обидеть; разг.).

2. в знач. сказ. О досадном, обидном случае (разг.):

С другой стороны, в анализируемом контексте обида вызвана положительной ситуацией. Ср.: *«Каждый старался заполучить знатного гостя к себе. Председатель колхоза и парторг обиделись на Магомеда Абдуллаевича – он предпочёл их пышному гостеприимству бедную саклю Черного Магомы».*

- **Растерянность.** Средство репрезентации – фразеологизмы. Ср.: *«Посреди комнаты ... стояла девушка. Большими настороженными глазами она отчуждённо и надменно взглянула на Гришу. Он растерялся и онемел. Они стояли посреди комнаты, Гриша не мог заставить себя поднять глаза. Он потерял всякую власть над собой, стоял неловкий и безмолвный, и молчание это, казалось, горой навалилось на него».*

В зоне положительных эмоций оказались следующие языковые средства: радость, сочувствие, гордость, любовь, восхищение. В зоне отрицательных эмоций – страх, испуг, гордыня, гнев, злость. Сочувствие оказывается в контексте реализации и упрёка, и гнева. Здесь особенно ярко проявляется амбивалентный характер средств выражения эмоций. Например, в сцене, участниками которой стали наблюдающие за девушкой-

санинструктором Кирюшка и земляк Патимат. С одной стороны, участники данной сцены наказаны главной героиней и должна доминировать отрицательная оценка, однако и со стороны героини, и со стороны русского и дагестанского участников данной сцены очевидна положительная оценка. Это достигается через понимание ценностной картины мира героев. Так, если в случае с носителем русской культуры очевидна снисходительность, то в случае с юношей-соотечественником Патимат очевидно проявление суровости, что обусловлено национальным менталитетом: чем больше, тем поучительнее, по-матерински. Ср.: *«Видишь, как она меня? – Ого! – Ничего. Мужчина должен терпеть. Это она меня по-родственному, по-матерински...»*.

Кроме того, были обнаружены такие средства, которые указывают на национально-культурную специфику выражения эмоций.

С помощью метафор передаётся «скорость» развития психических реакций (страх напал, гнев вспыхнул, раздражение ширилось); «сила» переживаний (клокотать, пылать, взорваться – о гневе); «глубина» (захлестнуть, наполниться – о радости).

Эмоции, а значит, и средства их выражения, занимают существенное место в языковой картине мира. Они являются абстрактной категорией культуры повседневности, ими пронизаны все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и на уровне особенностей той или иной культуры. В повести «Баллада о старом оружии» эмоции проявляются сквозь призму военных событий. И важно подчеркнуть, что в произведении герои являются представителями разных национальностей. Следовательно, выражение эмоций в языке произведения происходит ещё и в этнокультурном ключе.

Средства вербализации эмоций в повести В. Михальского «Баллада о старом оружии» разграничиваются на три группы: языковые средства,

относящиеся к зоне отрицательных эмоций, к зоне положительных эмоций и к зоне амбивалентного выражения эмоций.

Языковые обозначения эмоций варьируются в четырёх лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях. Однако в художественном произведении средства их вербализации расширяются за счёт фразеологизмов, сравнений, приёма контраста, реплик, риторических вопросов и восклицаний и других изобразительных средств языка.

Выводы по главе II

В рамках второй главы, посвящённой описанию лингвистической репрезентации мифологем в военном дискурсе, были: а) определены мифологические мотивы в военном дискурсе; б) аргументированы принципы вычленения мифологем, характерных для военного дискурса; в) описаны средства лингвистической репрезентации мифологем в различных аспектах военного дискурса.

Вторая глава была посвящена лингвистическому анализу языковых единиц, выступающих вербализаторами эмоций в языковой картине мира на примере произведения Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии».

Проведённое в рамках данной главы исследование позволило заключить следующее:

1. Лексика эмоций в произведении «Баллада о старом оружии» по своим функциональным свойствам может быть классифицирована по трем разрядам:

- 1) слова, объективирующие психические реакции – «именующие» (удивление, гнев, страх и под.);
- 2) слова, выражающие эмоции – «предицирующие» (удивляться, гневаться, расстраиваться и под);
- 3) слова, косвенно передающие информацию о психологических состояниях, – «обслуживающие», и именно им отводится главная роль в референции.

2. В функции «обслуживающих» слов (косвенно передающих информацию о психологических состояниях) активно используются глагольные метафоры, существенно обогащающие эмоциональную палитру и помогающие представить способ протекания эмоции. С помощью метафор передаётся «скорость» развития психических реакций (страх напал, гнев

вспыхнул, раздражение ширилось); «сила» переживаний (клокотать, пылать, взорваться – о гневе); «глубина» (захлестнуть, наполниться – о радости).

3. Семантические параметры, перечисленные в вышеизложенном тезисе, свойственны положительным и отрицательным эмоциям, именно они обладают градацией, для нейтральных реакций это менее свойственно: про удивление, квалифицируемое как нейтральная эмоция, нельзя сказать, что оно вспыхнуло, терзало, клокотало.

4. Для эмоциональной картины мира в повести «Баллада о старом оружии» универсальность способов отражения эмоций в языковой системе, которая во многих случаях «не нуждается в подкреплении извне, со стороны других знаковых систем выражения субъективной информации».

5. Языковые обозначения эмоций варьируются в четырёх лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях. Однако в художественном произведении средства их вербализации расширяются за счёт фразеологизмов, сравнений, приёма контраста, реплик, риторических вопросов и восклицаний и других изобразительных средств языка.

Примеры репрезентации положительных эмоций:

- Радость (мнимая) (вербализация через словосочетания с глаголами с семой «скорость, ускорение», в сочетании с наречиями с такой же семой (например: вприпрыжку): *«И так захотелось ему обмануть время, помчаться вприпрыжку через аульскую площадь по узким каменистым улочкам к родным воротам! Задать маленькой чёрной корове корм, послушать, как вкусно она чавкает, ощутить, как благодарно лизнёт она ароматным шершавым языком его щёку и руки. Потом помериться силами с братом Султаном, ещё и ещё раз доказать ему, что он, Магомед, сильнее и старше. А потом подняться на*

крыльцо, отворить дверь в саклю, где, стряпая хинкал, раскраснелась мать».

- Уважение (через описание традиций горцев): «По обычаям гор, гостя не спрашивают, зачем он явился. Старый Магома ждал.»
- Уверенность, гордость, упорство (вербализация через риторические вопросы, восклицания, сопоставление): *«Как это мать не найдет своих сыновей?! – спокойно отвечала Патимат. – Пускай Россия в сорок раз больше Ругельды, все равно я найду своих джигитов».*
- Радость (вербализация через песенный текст): *«Дивлюсь я на нэбо / Та й думку гадаю...»* (фрагмент украинской песни в исполнении старшины-украинца).
- Восторг, восхищение, одобрение: *«Да, Патимат была молодец, считай, два раза спасла ему жизнь: первый, когда укусила его гадюка, второй, когда, уходя в полевой госпиталь к старшине Николаю и Саше, вручила вот это кремневое ружье, кажись, принадлежавшее еще ее деду...».*

Примеры репрезентации отрицательных эмоций:

- Скорбь, печаль (вербализуются через отрицания, словосочетания с глаголами с общим значениями «потерять первоначальный вид вследствие временных изменений»): *«Нет... Отцвели те цветы и травы альпийские, что бросал он в кормушку маленькой черной корове; в лампе выгорел тот керосин, что освещал его первые книжки; в очаге прогорели те дрова, что варили им хинкал. Нет Султана, нет мамы, сакля их, верно, подгнила и обрушилась, остались одни только камни».*
- Гнев (риторические вопросы и восклицания и конструкции языка военной сферы): *«Старшина! Кто давал право «королей» возить? – увидев старуху, крикнул пробежавший мимо*

*...лейтенант Зворыкин. ... Не разговаривать! Снять немедленно!
– кричал лейтенант, и белёные его глаза гневно светлели».*

Примеры амбивалентной репрезентации эмоций.

- Гордость, превосходство (амбивалентный характер: с одной стороны, это отрицательные чувства, с другой – традиции пожилых горцев): *«Увидев машину, многие мужчины поднялись, желая рассмотреть, что за начальство занесло в аул на ночь глядя. Только старики не сдвинулись с места, даже не повернули голов: чувство собственного достоинства не позволяло им быть любопытными».*
- Злость (амбивалентный характер: злость относится к зоне отрицательных эмоций, однако в контексте эмоциональной картины мира произведения – к зоне неоднозначной оценки эмоций): *«Он и лихачил-то ради него, чтоб добиться хоть слова, пусть даже окрика. Но что он ни выделывал, лицо пассажира оставалось далёким от всего окружающего» (Главный герой злится из-за того, что не может довести до состояния страха своего пассажира).*

6. В процессе вербализации эмоций с помощью метафор передаётся «скорость» развития психических реакций (страх напал, гнев вспыхнул, раздражение ширилось); «сила» переживаний (клокотать, пылать, взорваться – о гневе); «глубина» (захлестнуть, наполниться – о радости).

Заключение

Целью данной работы было выявление и описание средств вербализации эмоций в повести Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии».

В первой главе, посвящённой теоретическим аспектам исследования языковых единиц, вербализующих эмоции в русской языковой картине мира, эмоции были рассмотрены как предмет лингвистического изучения, проанализированы подходы к классификации эмоций и их специфика в контексте языковой картины мира.

Во второй главе, посвящённой особенностям вербализации эмоций в повести В. Михальского «Баллада о старом оружии», приводится краткий анализ творчества писателя, анализируемое произведение было рассмотрено как источник вербализации эмоций, приведены результаты комплексного анализа языковых средств, формирующих эмоциональную картину мира указанного произведения.

В результате исследования нами были сделаны следующие **выводы**:

1. Эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний процесс и результаты собственной деятельности и взаимоотношений с окружающим миром. Оценка человеком окружающего мира основывается на системе ценностей, принятой данным обществом.

2. В языковой картине мира психическая жизнь человека представлена как сложная система взаимодействующих и взаимообусловленных психических реакций. Данные языка не противоречат современным специальным знаниям об изучаемом предмете, но в то же время языковые (лексические) знаки образуют самостоятельную систему. В связи со сказанным представляется актуальным обращение к сравнительному

анализу вербальной системы эмоций конкретного языка и невербальной знаковой системы, характерной для проявления эмоций в данной культуре.

3. Языковые обозначения эмоций используются в речи при их осознанном употреблении или описании, то есть при намеренном словесном выражении говорящим своего эмоционального состояния. При этом данные языковые обозначения эмоций варьируются в четырех лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях.

4. В процессе отбора языковых средств, участвующих в вербализации эмоций в повести В. Михальского «Баллада о старом оружии», все языковые средства были распределены по трём группам. В первую группу вошли языковые средства, относящиеся к зоне отрицательных эмоций. Во вторую группу вошли языковые средства, относящиеся к зоне положительных эмоций. Третью группу образуют языковые средства, относящиеся к зоне амбивалентного выражения эмоций. Кроме того, были обнаружены такие средства, которые указывают на национально-культурную специфику выражения эмоций.

5. В зоне положительных эмоций оказались следующие языковые средства: радость, сочувствие, гордость, любовь, восхищение. В зоне отрицательных эмоций – страх, испуг, гордыня, гнев, злость. Сочувствие оказывается в контексте реализации и упрёка, и гнева. Здесь особенно ярко проявляется амбивалентный характер средств выражения эмоций. Например, в сцене, участниками которой стали наблюдающие за девушкой-санинструктором Кирюшка и земляк Патимат. С одной стороны, участники данной сцены наказаны главной героиней и должна доминировать отрицательная оценка, однако и со стороны героини, и со стороны русского и дагестанского участников данной сцены очевидна положительная оценка. Это достигается через понимание ценностной картины мира героев. Так, если в случае с носителем русской культуры очевидна снисходительность, то в

случае с юношей-соотечественником Патимат очевидно проявление суровости, что обусловлено национальным менталитетом: чем больше, тем поучительнее, по-матерински.

6. Эмоции, а значит, и средства их выражения, занимают существенное место в языковой картине мира. Они являются абстрактной категорией культуры повседневности, ими пронизаны все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и на уровне особенностей той или иной культуры. В повести «Баллада о старом оружии» эмоции проявляются сквозь призму военных событий. И важно подчеркнуть, что в произведении герои являются представителями разных национальностей. Следовательно, выражение эмоций в языке произведения происходит ещё и в этнокультурном ключе.

7. Произведение Вацлава Михальского «Баллада о старом оружии» буквально пронизано эмоциями: действие происходит во время Великой Отечественной войны, в условиях войны эмоции проявляются с наибольшей силой, в произведении переплетены судьбы героев – представителей разных национальностей. Всё это повлияло на специфику вербализации эмоций в данном произведении.

8. Средства вербализации эмоций в повести В. Михальского «Баллада о старом оружии» разграничиваются на три группы: языковые средства, относящиеся к зоне отрицательных эмоций, к зоне положительных эмоций и к зоне амбивалентного выражения эмоций.

9. Языковые обозначения эмоций варьируются в четырёх лексико-грамматических классах: существительных, глаголах, прилагательных и наречиях. Однако в художественном произведении средства их вербализации расширяются за счёт фразеологизмов, сравнений, приёма контраста, реплик, риторических вопросов и восклицаний и других изобразительных средств языка. Например:

- Радость (мнимая) (вербализация через словосочетания с глаголами с семой «скорость, ускорение», в сочетании с наречиями с такой же семой (например: вприпрыжку): «И так захотелось ему обмануть время, помчаться вприпрыжку через аульскую площадь по узким каменистым улочкам к родным воротам! Задать маленькой чёрной корове корм, послушать, как вкусно она чавкает, ощутить, как благодарно лизнёт она ароматным шершавым языком его щёку и руки. Потом помериться силами с братом Султаном, ещё и ещё раз доказать ему, что он, Магомед, сильнее и старше. А потом подняться на крыльцо, отворить дверь в саклю, где, стряпая хинкал, покраснелась мать».
- Скорбь, печаль (вербализуются через отрицания, словосочетания с глаголами с общим значениями «потерять первоначальный вид вследствие временных изменений»): «Нет... Отцвели те цветы и травы альпийские, что бросал он в кормушку маленькой черной корове; в лампе выгорел тот керосин, что освещал его первые книжки; в очаге прогорели те дрова, что варили им хинкал. Нет Султана, нет мамы, сакля их, верно, подгнила и обрушилась, остались одни только камни».
- Гордость, превосходство (амбивалентный характер: с одной стороны, это отрицательные чувства, с другой – традиции пожилых горцев): «Увидев машину, многие мужчины поднялись, желая рассмотреть, что за начальство занесло в аул на ночь глядя. Только старики не сдвинулись с места, даже не повернули голов: чувство собственного достоинства не позволяло им быть любопытными».
- Восторг, восхищение, одобрение: «Да, Патимат была молодец, считай, два раза спасла ему жизнь: первый, когда укусила его гадюка, второй, когда, уходя в полевой госпиталь к старшине

Николаю и Саше, вручила вот это кремневое ружье, кажись, принадлежавшее еще ее деду...».

- Злость (амбивалентный характер: злость относится к зоне отрицательных эмоций, однако в контексте эмоциональной картины мира произведения – к зоне неоднозначной оценки эмоций): «Он и лихачил-то ради него, чтоб добиться хоть слова, пусть даже окрика. Но что он ни выделывал, лицо пассажира оставалось далёким от всего окружающего» (Главный герой злится из-за того, что не может довести до состояния страха своего пассажира).
- Радость, гордость (восклицание, глагол усиления действия, наречия со значением продолжительного времени): «Весть о том, что приехал прославленный сын старой Патимат, всполошила весь аул. Долго в эту ночь не гасли в саклях огни – ещё бы, такой хабар!»
- Тоска, печаль, разочарование (лексика с общим значением «что-то негодное к употреблению»): «Вздыхая, подержал он в руке темную и скользкую веревочку, на которой некогда висел курдюк. На верхнем гвозде нащупал кусочек сушеного мяса, но, пока его снял, оно рассыпалось и превратилось в труху. Старый Магома плюнул от досады и бессилия...».
- Радость, восторг, восхищение. «Он радовался, что не забыл о подарках... С нескрываемым удовольствием рассматривал старый Магома дорогие подарки. Он развесил их на веревке, где раньше хранилась одежда, и ходил вокруг, восхищенно прищелкивая языком. ...А как увидел сатиновую рубаху и ватные штаны, то так им обрадовался, что надел сразу и совсем уж развеселился».

- Радость (вербализация через песенный текст): «Дивлюсь я на нэбо / Та й думку гадаю...» (фрагмент украинской песни в исполнении старшины-украинца).
- Уважение (через описание традиций горцев): «По обычаям гор, гостя не спрашивают, зачем он явился. Старый Магома ждал.»
- Уверенность, гордость, упорство (вербализация через риторические вопросы, восклицания, сопоставление): «Как это мать не найдет своих сыновей?! – спокойно отвечала Патимат. – Пускай Россия в сорок раз больше Ругельды, все равно я найду своих джигитов».
- Злость (фразеологизм): «Мать задала такую лупку, что больше он не пытался повторить свой подвиг».
- Боязнь (вербализация через переносные значения): в этом же фрагменте: «Мать задала такую лупку, что больше он не пытался повторить свой подвиг».
- Гнев (риторические вопросы и восклицания и конструкции языка военной сферы): «Старшина! Кто давал право «королей» возить? – увидев старуху, крикнул пробежавший мимо ...лейтенант Зворыкин. ... Не разговаривать! Снять немедленно! – кричал лейтенант, и белёсые его глаза гневно светлели».
- Растерянность (фразеологизмы): «Посреди комнаты ... стояла девушка. Большими настороженными глазами она отчуждённо и надменно взглянула на Гришу. Он растерялся и онемел. Они стояли посреди комнаты, Гриша не мог заставить себя поднять глаза. Он потерял всякую власть над собой, стоял неловкий и безмолвный, и молчание это, казалось, горой навалилось на него».

10. В процессе вербализации эмоций с помощью метафор передаётся «скорость» развития психических реакций (*страх напал, гнев вспыхнул, раздражение ширилось*); «сила» переживаний (*клокотать, пылать, взорваться – о гневе*); «глубина» (*захлестнуть, наполниться – о радости*).

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. М.: Гнозис, 2005.-326 с.
2. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация / Е.Е. Анисимова. – М.: Знание, 2008. – 120 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002. - 285 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. М.: Гнозис, 2005.-326 с.
5. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация / Е.Е. Анисимова. – М.: Знание, 2008. – 120 с.
6. Антипов, К.В. Основы рекламы: Учебник / К.В. Антипов. – М.: Дашков и К, 2015. – 328 с.
7. Бабенко Л.Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте. 1988. 2. С. 113-116.
8. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. - Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 184 с.
9. Беляева М.С. Особенности выражения эмоций в языке и тексте // <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-vyrazheniya-emotsij-v-yazyke-i-tekste.html> (дата обращения: 12.06.2022).
10. Богдасарова П.А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: Дис. ... канд.филол.наук. - М., 2004.
11. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности: (Основы эмотивной стилистики текста). Ташкент : Фан, 1981. — 116 с.
12. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., под. общ. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. С.33-88.

13. Виноградов В.В. РУССКИЙ ЯЗЫК (Глава I. Введение в грамматическое учение о слове): [Электронный ресурс] // Русский филологический портал Philology.ru. URL: <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-72.htm> (Дата обращения: 07.06.2022).
14. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М., 1985.
15. Вульфсон Р.Е. Эмоционально-оценочная лексика и контекст // Русский язык в школе. 1991. №4. С.33-36.
16. Гак В.Г. Функциональная семантика // Оценка экспрессивности, модальности. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 6-26.
17. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Ч. 1.и Лексикология. – М., 1962. – 261 с.
18. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
19. Демьянков В.З., Вороний Л.В., Сергеев А. И. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или: Где эмоция - там и когниция // С любовью к языку / Сб. науч. трудов: посвящается Е.С. Кубряковой / отв.ред. В.А. Виноградов. - М.: Ин-т языкознания РАН; Воронеж: Воронежский гос.ун-т, 2002. - С. 26-36.
20. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
21. Зуева Е.А. Эмоции как объект лингвистических исследований // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометодический контекст. Белгород, 2006. С. 148-154.
22. Изард К. Психология эмоций пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. – 464 с.
23. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. - СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
24. Ириолова А.Д. Лингвистическая реализация эмоций и чувств, связанных с любовью (на материале произведений У.С. Моэма). // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение» - Майкоп: изд-во АГУ, 2012. -Вып. 1. – С. 234-238.

- 25.Иссерс О.С. Речевое воздействие. Учебное пособие. – М.: «Флинта», «Наука», 2009. – 224 с.
- 26.Кнебель М.И., Лурш А.Р. Пути и средства кодирования смысла // Вопросы психологии. - 1971. - №4. - С. 77-83.
- 27.Ковалев В. Акилле Кампаниле, или грустный юмор абсурда. [Электронный ресурс] // URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kampanile-akille/esli-luna-prinesetmne-udachu/21>, (Дата обращения: 17.05.2022).
- 28.Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Учебное пособие. – М.: росвещение, 1977. – 223 с.
- 29.Коростова С.В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия Российского государственного педагогического университета им.А.И. Герцена 2009. 103. С. 85-93.
- 30.Костерина Н.В. Психология индивидуальности (эмоции): Текст лекций. / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1999. – 24 с.
- 31.Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. - М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- 32.Ларина Т.В. Эмоциональность и эмотивность в коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод : сб. материалов межвузовской науч. конф. М., 2002. С. 134–136.
- 33.Левина О.А. Репрезентация эмоциональных состояний персонажей в английском художественном тексте / дис. ... канд. филол. наук / М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. 481 с.
- 34.Маслова В.А. Некоторые онтологические аспекты эмотивности текста // Язык и эмоции: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 1995. С. 184-191.

- 35.Минибаева С.В. Лексикографическое поле «страх» в современном русском языке // Путь науки. – Научное обозрение. Волгоград, 2014. С. 88-89.
- 36.Михайловская В.Н. Эмоциональный компонент лексического значения слова и контекст // Теория и методика преподавания германских языков: сб. науч. тр. СПб.: Питер, 2002. С. 42- 50.
- 37.Паршева Л.К.. Эмотивная лексика // Вестник Новгородского университета им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. 51. С. 79-92.
- 38.Пиотровская Л. А. Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / сост. М. А. Ремнева, А. А. Поликарпов. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 28–29.
- 39.Потебня А А. Мысль и язык. // Потебня А.А. Слово и миф. М., Издательство «Правда», 1989. – 624 с.
- 40.Прудникова И.А. Эмоциональность как категория художественного текста (на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон») // дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 232 с.
- 41.Рубинштейн С.А. Основы общей психологии: в 2 т. - М.: Педагогика, 1989. - Т.1. - 1989. - 486 с.; Т.2. - 1989.
- 42.Рубинштейн С. Л. // Основы общей психологии – Издательство: Питер, 2002. – 720 стр.
- 43.Рыбальченко О.И. Особенности репрезентации синкретической метафоры в ироническом контексте // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №1(20). С. 23-27.
- 44.Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1996. – 143 с.

45. Телия В.Н. Некоторые тенденции в развитии оценочно-воздействующей функции современной публицистики. // Лингвистика. – 1997. №1. С. 27-36.
46. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
47. Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. 448с.
48. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филол. науки 1996. №6. С. 62 – 71.
49. Черданцева Т.З. Очерки по лексикологии итальянского языка. М.: Высш. школа, 1982. – 184 с.
50. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 190 с.
51. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексикосемантической системе языка. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1987.
52. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
53. Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка. // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
54. Шмелев А.Д. Могут ли слова быть ключом к пониманию культур? (Вступление к кн.: Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов). М., 2001.
55. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. 2-е изд. / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2010. — 336 с.
56. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. – 470 с.
57. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В.; Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.

58. Солганик, Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. – М.: Флинта Наука, 2005. – 256 с.
59. Степанов, Е.В. Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция / Е.В. Степанов. – М.: Вест-консалтинг, 2007. – 127 с.

Словари

60. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137
61. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.Л. Кузнецов. - СПб.: «Норинт», 2000.
62. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов/Под ред. Л.Г. Бабенко. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. - 784 с.
63. Большой психологический словарь. — М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.
64. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002 – 1008 с.
65. Горбачевич К. С. Русский синонимический словарь. - СПб.: ИЛИ РАН. 1996.-512 с.
66. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2001 - Т. 1: А - О. - 1232 с. - (Б-ка словарей рус. яз.).
67. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2001 - Т. 2: П - Я. - 1088 с. - (Б-ка словарей рус. яз.).
68. Исаев М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. — М., 2002.

69. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. — 1488 с.
70. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. -М.: Рус. яз., 1991.
71. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 784 с.
72. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций/Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 992 с.
73. Русский идеографический словарь // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5485> (дата обращения: 28.01.2021).
74. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений/РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Азбуковник, 2003.
75. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981 — 1984.
76. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. - Ленинград: Издательство «Наука», 1970.

77. Социологический словарь. — М.: Экономика. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. 2004.
78. Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Под ред. Проф. Д.Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книги.

Приложение

Баллада о старом оружии

Примеры:

Глава I

1. Сколько лет ни загадывал Кирилл Тимофеевич Деркачев пойти в праздник Победы постоять в сквере у Большого театра, все не получалось: то выпадала его смена крутить баранку, то болели дети, – словом, все шло наперекосяк, как будто черт с ним баловался. Но на сей раз он твердо решил, что увидит праздник не по телевизору, а наяву, исполнит свою мечту.

– Нюра, ты за мной присмотри, чтобы обязательно пошел, – попросил он жену еще шестого числа.

– Грец за тобой присмотрит, – отвечала Нюра, вывезенная им в сорок седьмом году из-под Таганрога, где стояла тогда его часть и откуда он демобилизовался. – Ты мужик, так и будь сам себе хозяин!

*2. Восьмого числа Кирилл Тимофеевич работал до 23.00, привез план, все чин чинном, сдал машину – и сразу же за ворота парка, не дожидаясь компании попутчиков, **подальше от греха**: «Давай, Тимофеич, по сто грамм за Победу, специально для тебя пузырек вез»... и т. д. Знал он эти сто грамм – лиха беда начало.*

3. За младшую Кирилл Тимофеевич не беспокоился: характер у нее был его, не девка, а черт в юбке, такая нигде не пропадет! А вот у Тони судьба не задалась: первый муж попался алкаш алкашом, второй тоже не лучше, детей нет, плохо живет дочка. Пробовал учить ее муженьков – вышли одни

неприятности: первый сбежал, с перепугу завербовался чуть ли не в тундру, второй грозился подать в суд, еле отговорили. Тоня обиделась: «Папа, зачем ты портишь мне жизнь?» Нюра взяла с него слово «не соваться». А жаль, еще бы разок проучил этого нынешнего Витю – и был бы он как шелковый.

4. Глядя с высоты на ночной город, Кирилл Тимофеевич смутно подумал о том, как он привык к нему: будто и не было у него иной жизни, будто так и сновал он всегда по тесным улочкам центра, по новым микрорайонам, по ближним загородам и все старался проскочить на зеленый свет, и гнал, гнал, гнал, не оглядываясь, – а куда, спрашивается? Тридцать лет в Москве, считай, коренной житель. Демобилизовался, расписался с Нюрой в сельсовете, и двинули они в столицу. Никогда прежде не бывал, очень уж хотелось поглядеть, какая она, Москва-матушка? Так и сказал молодой жене: «А что, Нюра, айда в Москву за песнями!» Сказано – сделано, такой он был в молодые годы.

5. Докурив, он бросил папироску с балкона, проследил полет гаснущего огонька и пошел спать. С тех пор как дочери уехали из дома, Кирилл Тимофеевич спал в большой комнате на тахте. Здесь его большому телу было куда привольнее, чем на узкой кровати из рижского гарнитура. В темноте комнаты белели нейлоновые занавеси, матово светилась хрустальная люстра, а над тахтой, на стене, покрытой ковром фабричной работы, висело старинное кремневое ружье – самая сокровенная для Кирилла Тимофеевича вещь, с которой не расставался он с 1942 года.

6. Прикрыл глаза, начал вспоминать войну, автороту, да что-то не вспоминалось ничего ясного. Уже сквозь сон услышал вдруг звук, похожий на

вой падающей бомбы, вскинулся от подушки – свистело в ванной, кто-то из верхних соседей пустил воду, полуночники чертовы! Подождал минуту-другую, пока оттаял в груди такой знакомый, противный холодок тех фронтовых дней, и уснул как убитый – как-никак двенадцать часов отколесил по всему городу, усталость взяла свое.

7. Утром, чтобы народ не глазел раньше времени и пустили в транспорт, он обернул кремневое ружье в старенькое льняное покрывало, пестревшее рыжими подпалинами – Нюра обычно на нем гладила, – и двинулся в желанный путь.

Глава II

1. А за два дня до этого в горах Дагестана молодой усатый шофер ловко крутил баранку, почти не сбавляя скорости на поворотах, задок то и дело заносило к самому краю пропасти, и, не будь машина тяжело груженной, она наверняка сорвалась бы.

2. Райкомовский шофер с вожделием косил черным выпуклым глазом на погоны капитана первого ранга и орденские планки на груди необычного, молчаливого пассажира. Он и лихачил-то ради него, чтоб добиться хоть слова, пусть даже окрика. Но что он ни выделявал, лицо пассажира оставалось далеким от всего окружающего. Заднее сиденье газика было снято, на полу, полуобернутый в брезент, громоздился гранитный памятник.

3. «Такого не испугаешь», – обиженно и почтительно думал шофер, теряя надежду поговорить со знатным человеком, и злился, что нечего будет рассказать знакомым, а врать он не умел – не обладал фантазией.

4. Когда машина въехала в аул, майские звезды уже горели в полную силу, большие, яркие, переливающиеся, какие бывают только в горах. Над саклями стояли белые веревки дыма – хозяйки готовили ужин своим мужчинам.

5. И так захотелось ему обмануть время, помчаться вприпрыжку через аульскую площадь по узким каменистым улочкам к родным воротам! Задать маленькой черной корове корм, послушать, как вкусно она чавкает, ощутить, как благодарно лизнет она ароматным шершавым языком его щеку и руки. Потом помериться силами с братом Султаном, еще и еще раз доказать ему, что он, Магомед, сильнее и старше. А потом подняться на крыльцо, отворить дверь в саклю, где, стряпая хинкал, раскраснелась мать. Нет... Отцвели те цветы и травы альпийские, что бросал он в кормушку маленькой черной корове; в лампе выгорел тот керосин, что освещал его первые книжки; в очаге прогорели те дрова, что варили им хинкал. Нет Султана, нет мамы, сакля их, верно, подгнила и обрушилась, остались одни только камни.

6. Весть о том, что приехал прославленный сын старой Патимат, всполошила весь аул. Долго в эту ночь не гасли в саклях огни – еще бы, такой хабар!

7. Каждый старался заполучить знатного гостя к себе. Председатель колхоза и парторг обиделись на Магомеда Абдуллаевича – он предпочел их

пышному гостеприимству бедную саклю Черного Магомы. Старик был еще другом деда Магомеда Абдуллаевича, знал его прадеда и жил на земле так давно, что уже, как в детстве, вновь уверился, что будет жить вечно.

8. А тот с нетерпением ждал, когда сварятся бобы – любимое кушанье его детства. Он радовался, что не забыл о подарках, мысленно благодарил жену, которая напомнила ему о них. Он вынул черную, тонкого сукна черкеску, бешимет – все это шилось в столичном ателье. Все чин чинком, даже белый, с позументом баишык. С нескрываемым удовольствием рассматривал старый Магома дорогие подарки. Он развесил их на веревке, где раньше хранилась одежда, и ходил вокруг, восхищенно прищелкивая языком. Но надеть отказался: «Что ты, сынок, баловство это».

А как увидел сатиновую рубаху и ватные штаны, то так им обрадовался, что надел сразу и совсем уж развеселился. Последнее время ломило даже на солнышке его старые кости, и давно он мечтал именно о таких штанах, такие носил бухгалтер их колхоза, и старый Магома в глубокой тайне грустно завидовал этому. Ах, как удобно, как тепло было в этих штанах и в мягких, на меху, домашних туфлях, которые тоже подарил старику Магомед Абдуллаевич.

– А это, – показал Магома на черкеску, – все это, сынок, подари в клуб, для нашей самодеятельности. Мне ведь она ни к чему, разве только для хвастовства.

9. По обычаям гор, гостя не спрашивают, зачем он явился. Старый Магома ждал. Бобы уже сварились, и Магома поставил котелок на низенький столик перед гостем, положил деревянную ложку, сам сел напротив.

10 .– Я это помню хорошо, – задумчиво проговорил старик. – На второй день войны она ушла искать вас с братом, чтобы передать вам оружие отцов и свое благословение. А уходя, заняла себе место на аульском кладбище, между дедом и отцом вашим, ее мужем. Огородила место камнями и приказала аульчанам, чтобы никто его не занимал. Сказала, что придет домой умирать, но слово свое не сдержала. Место, занятое на кладбище твоей матерью, мы бережем свято, пусть тело ее там, в России, но душа здесь, в родных горах. – Старик замолчал, черными пальцами теребя бороду.

11.Черный Магома, насытившись почетом, который подарил ему высокий гость, и лакомствами, которые принесли соседи, уже давно спал, как ребенок, разметав высохшие руки на сваявшейся полости бараньей шубы; на черном его лице застыла тихая печать счастья.

12. Магомед Абдуллаевич взял матрас и одеяло, что принесла ему жена председателя, и ушел спать на крышу. Небо было ослепительно звездное, он даже глаза зажмурил, таким неестественно красивым показалось оно ему. Поеживаясь от холода, он любовался им, смотрел в черные далекие глубины, в перламутрово-звездную прозрачность Млечного Пути и, казалось, пил медленными глотками вечность. Он был обрадован и потрясен, что, как в юности, снова открыл для себя небо и звезды, и был счастлив этой встречей, словно свиданием с матерью. Когда он был маленьким, мать часто укладывала их с братом спать на крыше сакли и, пока они засыпали, рассказывала сказки о звездах.